

> МАГИСТРАЛЪ >

ТОСОН СИМАДЗАКИ

Семья

Москва

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
С37

Перевод с японского
Анатолия Рябкина и Бориса Поспелова

Художественное оформление серии
Натальи Портяной

Симадзаки, Тосон.

С37 Семья / Тосон Симадзаки ; [перевод с японского
А. Рябкина и Б. Поспелова]. — Москва : Эксмо,
2026. — 384 с.

ISBN 978-5-04-215761-5

Тосон Симадзаки — крупнейший представитель японского реализма в XX веке.

«Семья» — это история о разорении японской патриархальной семьи, которая тесно переплетена с историей крушения жизненного идеала главного героя. Каждый член семьи переживает свои личные кризисы и трагедии — Тосон Симадзаки мастерски описывает сложные внутренние переживания героев и их отношения между собой, глубоко анализирует внутренний мир своих персонажей, их чувства и сомнения.

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44

© А. Рябкин, перевод на русский язык, 2026
© Б. Поспелов, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-215761-5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Все женщины дома Хасимото были на кухне — готовили обед. Одних работников шестеро, начиная от старшего приказчика и кончая мальчиком на побегушках, а тут еще гости из Токио. Хозяйка дома о-Танэ стряпала сама. Ей помогали дочь и служанка. Нелегкое дело стряпать на такую семью, но она привыкла, живя долгие годы в деревне.

Рядом с кухней находилась просторная столовая с чисто вымытым полом. Сверкающий лаком буфет занимал почти всю стену, посредине был сложен очаг, над которым висела прикрепленная к потолку жердь с крюком на конце. В очаге даже летом горел огонь, на котором доваривались кушанья, приготовленные на кухне. Эту большую комнату, старомодно обставленную, освещало небольшое окно. В раздвинутые сёдзи был виден клочок голубого неба.

Старик в широких штанах внес на кухню бадью ледяной воды из колодца, что на заднем дворе. Не так давно он отдал всю свою землю детям и теперь прислуживал в доме Хасимото: носил воду, огородничал.

Наконец обед был готов.

— Послушай, о-Хару, куда это сгинул Сёта? — спросила о-Танэ служанку.

О-Танэ жила когда-то с мужем в Токио, там у них родилась дочь, но жизнь вдалеке от столицы давала о себе знать: нет-нет и срывалось у нее с языка местное словечко.

6 *Тосон Симадзаки*

— Молодой хозяин пошел к Ямасэ! — зардевшись, отвечала о-Хару. Ей недавно исполнилось семнадцать лет, и она то и дело краснела.

— Видать, допоздна там засидится, — предположила о-Танэ. — Это не первый раз. Пойдет туда и застрянет. Ты его дзэн не подавай, — сказала она дочери.

Когда столики были расставлены и накрыты — сначала для хозяина и гостей, потом для работников, — мать любовно оглядела дочку, чье личико было прекрасно, как у фарфоровой куклы, и послала ее к гостям.

О-Сэн была стройная, красивая девушка, ростом выше матери. Ей пора было замуж, но в детстве она тяжело болела и до сего времени умом была совершенный ребенок. Ей, видно, суждено было провести жизнь под родительским кровом. Мать очень любила и жалела ее: говорила с ней ласково, ровно, выбирая самые простые слова; она и к ходившей за ней служанке относилась не так, как к другим слугам. Когда причесывали о-Сэн, делали прическу и о-Хару. Этой о-Хару даже спать позволялось в одной комнате с о-Сэн — только бы у девушки была подруга.

Гостей было двое: Санкити, младший брат о-Танэ, и сын одного токийского знакомого Наоки. Оба приехали к Хасимото на каникулы. Наоки еще учился в школе. Здесь была родина его отца и матери, и он впервые так далеко путешествовал. К Санкити этот юнец относился с глубоким почтением и называл его не иначе, как «ни-сан» — «мой старший брат».

— Для наших гостей столовая с очагом в диковинку, вот я и накрыла здесь, — сказала о-Танэ мужу, когда он сел за свой столик.

Рядом со столиком хозяина стояли накрытые по-старинному столики для Наоки и Санкити.

— А где Сёта? — спросил Тацуо у жены. Судя по тону, он был недоволен отсутствием сына.

— Он пошел к Ямасэ. Там он, верно, и пообедает, — ответила о-Танэ.

Здесь же, в столовой, были расставлены столики для работников. Осторожно, чтобы не обеспокоить хозяйна и хозяйку, прошли на свои места старший приказчик Ка-сукэ, чье лицо выражало величайшее почтение к дому, и молодой Косаку. За ними расселись и остальные. Их отцы и деды служили дому Хасимото, и отношения между хозяевами и слугами давно стали отношениями членов одной семьи.

Вошел старик крестьянин, работающий на огороде. Вытерев ноги, он почтительно остановился в дверях.

— Ну что же ты, входи, — ласково позвал его Тацуо. Старик несколько раз поклонился и, получив чашку риса, сел за столик.

Все принялись за еду. Прислуживала за обедом о-Хару. Жужжали мухи, но на них не обращали внимания.

— Смотри, Санкити, этот дом, деревенские кушанья — все как в детстве, — улыбнулась брату о-Танэ. — Я буду кормить вас с Наоки самыми вкусными вещами. Ты любил красные бататы, помнишь? Я непременно угощу ими тебя.

Скоро разговор стал общим, все оживились.

Когда о-Танэ выходила замуж, Санкити был еще совсем ребенком. Они жили тогда в большом отцовском доме. В ту пору еще жива была бабушка. Потом старый дом сгорел. Все братья о-Танэ перебрались в Токио, и вот теперь здесь, в глуши, из всей семьи жила только она одна. Как радовалась о-Танэ сегодня! Ведь она так давно не видела брата.

— Знаешь, — обратилась она к о-Хару, — мы с твоим хозяином жили еще в Токио, когда Санкити пошел учиться. Тогда он около года жил у нас. Совсем был мальчишка. А теперь смотри, какой молодец. Настоящий мужчина.

После обеда хозяин и все остальные, согласно старинному обычаю, вымыли свою посуду, вытерли чашки и ха-

8 *Тосон Симадзаки*

си, накрыли их полотенцами и один за другим чинно поднялись со своих мест.

О-Танэ повела Санкити осматривать дом.

— Видишь, Санкити, — говорила она, радостно глядя на брата, — это моя комната. Ее пристроили, когда мы с Тацуо поженились.

Они вошли в небольшую каморку, примыкавшую к гостиной. В ней стояли туалетный столик, комод, низенькие плетеные скамейки. На фусума висели стихи, сочиненные дальним родственником покойной бабушки Хасимото.

— Бабушка сказала, что мне нельзя без отдельной комнаты. Где-то ведь надо причесать волосы, привести себя в порядок. Вот она и распорядилась сделать эту пристройку. Она была такая добрая!

— А ты была такая молодая, — улыбнулся Санкити.

— Да, да — засмеялась о-Танэ. — Только подумай, ведь я была моложе о-Сэн, когда выходила замуж.

За стеной слышалось монотонное постукивание: это работники толкли в ступках лекарства. Сквозь раздвинутые сёдзи было видно, как провизоры и подмастерья трудятся на благо дома Хасимото. Лекарства составлялись по секретным рецептам, которые передавались в семье из поколения в поколение. Временами из-за стены раздавался громкий смех.

— Опять Касукэ всех смешит, — улыбнулась о-Танэ.

Они вышли во двор. Внимание Санкити привлекла массивная вывеска «Лекарства» над входом в лавку. За лавкой находилась пристройка, выходящая окнами во двор.

— Какие уютные комнатки! Как все-таки хорошо жить по-деревенски, — сказал Санкити, оглядывая дом, двор и сад.

— Вот вы с Наоки и будете здесь жить. Делайте что хотите, читайте, валяйтесь, отдыхайте.

— После токийской жары, дорогая сестренка, здесь у вас забывается, что лето в разгаре.

— Эти комнаты для гостей. Изредка в них останавливаются возчики. Но по большей части они стоят пустые.

Они снова вышли во двор. Санкити осмотрел курятник, тутовые деревья, за которыми в свободное время ухаживал Сёта. Наконец вышли к задней калитке.

Склон холма за домом был весь возделан — участки террасами поднимались вверх. Даже клочок земли на самом верху был тщательно обработан.

Поднявшись по каменным ступеням, брат и сестра оказались под шатром, сплетенным из виноградных лоз. Внизу журчал ручей, ветерок приносил прохладу и запах лилий. Поодаль виднелся большой амбар, освещенный ярким солнцем. О-Танэ и Санкити остановились, над головами у них на решетках дозревали груши.

— Я поднимаюсь чуть свет и так же, как сейчас мы с тобой, обхожу все хозяйство, — сказала о-Танэ, взглянув на брата. — Теперь-то я совсем здорова, а то, бывало, день-деньской не встаю с постели.

— Что с тобой, сестра? Ты больна? — встревожился Санкити.

— Да, милый. У меня неизлечимая болезнь. То схватит, а то, глядишь, и отпустит.

— Какая болезнь? — спросил брат.

О-Танэ ничего не ответила и, словно припомнив что-то, быстро пошла вперед.

— Не будем говорить о моей болезни. Пойдем, я покажу тебе огород, там все посажено моими руками. Овощи в этом году, слава богу, хорошо уродились.

Санкити последовал за сестрой вверх по склону. Вскоре они очутились у тщательно возделанных грядок, где ровными рядами росли лук и бобы. Пройдя под навесом, на котором зрели тыквы, Санкити и о-Танэ оказались на самом верху. Здесь тоже были разбиты грядки. Возле одной на корточках копошился старик крестьянин. С холма был

10 *Тосон Симадзаки*

виден сад, в его зелени весело вилась тропинка. Внизу, в долине, раскинулся городок.

— Знаешь, Санкити, — любуясь открывшимся видом, сказала о-Танэ, — за все время, что я живу в доме Хасимото, я ни разу не была в Кисо. Даже за ворота дома не выходила. Тебе это, наверно, странно, да, Санкити? Видишь ли, в город за покупками ездят подмастерья или служанка. Они хорошо справляются с поручениями, особенно Касукэ. Вот я и не выхожу никуда. Ты не удивляйся, замужняя женщина не должна покидать свой дом...

О-Танэ помолчала. Потом, чтобы переменить разговор, махнула рукой в сторону дома, видневшегося внизу. Дом был под тесовой крышей, укрепленной большими камнями от северных ветров и снегопадов. Он красиво гармонировал с окружающим горным пейзажем. Там жили родственники Наоки. Он как раз пошел их навестить.

— Мама, господин Савада пришел! — подбежала к матери запыхавшаяся о-Сэн. Все трое стали спускаться вниз.

— Помнишь, о-Сэн, как ты ждала дядю Санкити? Дня не проходило, чтобы ты не спрашивала о нем. Вот наконец он и приехал. Ты рада?

О-Сэн смутилась и только кивнула в ответ.

Вошли в гостиную. О-Танэ познакомила брата с дядей Наоки господином Савадой. Это был маленький, сухонький старичок с учтивыми манерами и любезным выражением лица. Но таким он бывал в редкие минуты душевного спокойствия. По большей же части он пребывал в мрачном, раздраженном состоянии, что было следствием тяжелого душевного недуга. Поклонившись, он церемонно поблагодарил Санкити за доброе отношение к его племяннику.

— Господин Савада — истинный знаток и любитель древней литературы, как и наш отец, — сказала о-Танэ. — Они были большие друзья, когда отец был жив. Вместе читали стихи, сочиняли танка.

— Да, да, было, все это было, — кивнул головой Савада. — Ваш высокочтимый отец всегда носил за пазухой целую кипу книг.

Санкити во все глаза смотрел на человека, который был другом его отца. Старичок, несмотря на годы и болезнь, сохранил осанку настоящего самурая. Санкити был уже в том возрасте, когда человек начинает задумываться о жизни и смерти. Он вспомнил отца, его последние дни. Перед смертью отца постигло безумие.

Хозяин дома, Тацуо, был, что говорится, в самом расцвете сил. Ровно в восемь часов утра он приходил в провизорную, примыкавшую к лавке. Здесь, рядом со столом приказчика и подмастерьев, стоял и его стол. Тацуо работал вместе со всеми до позднего вечера: проверял счета на закупки лекарственных трав, всевозможных препаратов и снадобий: мускуса, алоэ, женьшеня; посылал заказы иностранным фирмам, следил за отправкой готовых лекарств клиентам. Он сам вел бухгалтерские книги, организовывал осеннюю торговлю лекарствами вразнос и вникал даже в такую мелочь, как наличие оберточной бумаги. Нередко он включался в общую работу как простой подмастерье, засучив рукава, резал бумагу, приклеивал на пакеты ярлыки своей фирмы. Были у Тацуо и другие обязанности. Его очень уважали в округе, и соседи часто обращались к нему за советами. Политикой он не занимался, не вставал на сторону ни одной из партий. Дело, унаследованное от предков, поглощало его целиком. Таков был хозяин дома — Тацуо, энергия и трудолюбие которого удивляли и даже восхищали Санкити.

Уже третий день гостил Санкити у своей сестры. Его друг Наоки ушел навестить дядю, а Тацуо, окончив дела, отдыхал после обеда в гостиной, которую отделяла от спальни девушек легкая передвижная перегородка.

— О-Сэн, — позвала дочь о-Танэ.

О-Сэн, сидя за столиком в соседней комнате, старательно складывала из бумаги пакетики для лекарств. Услыхав голос матери, она выглянула в гостиную. Ее овальное личико озарилось улыбкой.

— Иди пить чай, о-Сэн. Отдохни от работы.

О-Сэн подбежала к матери и обняла ее. Нежная любовь, неусыпные заботы окружали девушку в родительском доме. Вошел Санкити, сел рядом с сестрой.

— Тацуо, — обратилась о-Танэ к мужу, — посмотри, как сидит Санкити, как он сложил руки: вылитый отец.

— У отца тоже были такие большие, нескладные руки? — пошутил Санкити.

— Отец всегда говорил, — улыбнулась о-Танэ, — что Санкити больше всех нас похож на него. Такой же книжник. Он считал Санкити своим духовным наследником.

— Если бы наш суровый отец был сейчас жив и увидел, какими мы выросли, не миновать бы нам хорошей взбучки! — воскликнул Санкити.

— Ну что ты говоришь, Санкити, — засмеялась о-Танэ. — У тебя такая прекрасная профессия. Ты можешь заниматься своим делом где угодно.

— Да, сейчас многие молодые люди пишут, — сказал Тацуо. Он сидел, скрестив ноги и по привычке поводя коленями. — Изящная словесность, — конечно, занятие интересное и почтенное. Плохо только, что зарплата постоянного не дает.

— Не знаешь толком, что это такое: дело или развлечение, — в тон мужу заметила о-Танэ.

Санкити промолчал.

— Наш Сёта любит читать романы, — продолжала о-Танэ. — Я ему не препятствую. Пусть читает. Книги плохому не научат. Да и можно ли заставить молодежь жить, как мы, старики, живем. Но это, братец, совсем не значит, что мы уже никуда не годимся.

— Но и пользы в книгах мало, — заметил Тацуо.

О-Танэ взглянула на мужа и невесело улыбнулась.

— О-Сэн, позови брата, скажи, что чай подан, — сказала она дочери. О-Сэн пошла за Сёта в соседнюю комнату.

Санкити был всего тремя годами старше племянника. Но ростом тот уже перегнал дядю. Когда их видели вместе, то принимали за братьев.

Сёта вошел в гостиную. Тацуо, начавший что-то говорить, замолчал и строго посмотрел на сына. Сёта тоже не сказал ни слова. Недовольным, слегка высокомерным взглядом окинул комнату. В нише висела картина, писанная на шелку предком Тикучо — основателем аптекарского дела, унаследованного Тацуо. Его память благоговейно чтилась в семье. Каждый год в день поминовения усопших духу Тикучо подносили рисовую кашу с каштанами — его любимое кушанье, согласно семейному преданию. Дух предка был воплощен в иероглифах, выведенных его кистью. И казалось, он неизменно присутствовал в кругу своих потомков.

Дух, взиравший со стены на семейство, не вызывал у Сёта никаких эмоций. Молча выпив чай, он порывисто поднялся с места и поспешно покинул гостиную, где царили полумрак и унылое, неистребимое однообразие, от которого в сердце вселялась тоска и стремление вырваться на волю. Тацуо вздохнул.

— Санкити, я все собираюсь спросить тебя об одной вещи, — начал он неуверенным тоном. — Я видел у тебя серебряные часы. Откуда они?

— Вот эти? — Санкити вытащил из-за пояса часы и положил их на стол. — Это старинные часы. Посмотрите, что выгравировано на внутренней крышке.

— Видишь ли, — преодолевая неловкость, продолжал Тацуо, — когда Сёта уезжал в Токио учиться, я подарил ему золотые часы, чтобы его, упаси бог, не приняли там за голодранца. Летом он вернулся с другими часами, серебряными. Я спрашиваю: а где твои часы? Поменялся,

говорит, на время с приятелем. А теперь эти самые часы я вижу у тебя за поясом.

— Это часы Содзо, — рассмеялся Санкити. — Он дал мне их поносить. Я думаю, что Сёта одолжил их у него на лето, а потом вернул.

Тацуо и о-Танэ переглянулись.

— Мне и тогда все это показалось довольно странным, — проговорил Тацуо.

— Наш Сёта, видно, научился говорить неправду, — глубоко вздохнула о-Танэ. — Вот от Санкити я никогда не слыхала ни одного слова лжи.

Но правдолюбец Санкити не видел ничего дурного в том, что золотые часы сперва превратились в серебряные, а потом и вовсе исчезли. Вполне естественная вещь в жизни молодого человека. Тацуо же был на этот счет иного мнения.

— Что с ним будет дальше? — с тревогой проговорила о-Танэ, раскуривая длинную трубку. — Мечется он. Себя никак не найдет. Не понимаю я собственного сына.

— Ты напрасно за него волнуешься, — заметил Санкити, дымя папиросой. — Я с ним много разговаривал, и у меня сложилось о нем хорошее впечатление. Правда, его суждения бывают иногда слишком смелыми. Ну, да от этого человек только интереснее.

— Это, конечно, верно, — согласился Тацуо.

— Что будет, если он не переменится? Ты ведь знаешь, Санкити, дому Хасимото нужен наследник, — сказала о-Танэ. — Отец так беспокоится. Все остальное у нас в порядке. Торговля, слава богу, идет хорошо. Лекарств продаем гораздо больше, чем раньше. Если так пойдет дальше, дом Хасимото будет богатеть и процветать. Одно нас с отцом тревожит — Сёта. — И, понизив голос, она прибавила: — Говорят, у него появилась девушка.

— Это естественно, — оправдывая племянника, возразил Санкити.

— Ты не дослушал до конца, а уже защищаешь его, — рассердилась о-Танэ. — Молодые не всегда бывают правы.

— А эта девушка здешняя? — спросил Санкити.

— Здешняя, — ответила о-Танэ. — Это-то и плохо.

О-Сэн скучала. Она то вставала из-за стола, то опять садилась, прислушиваясь к беседе родителей с дядей. Молча улыбалась.

— Ты понимаешь, о-Сэн, о чем мы говорим? — участливо спросила о-Танэ.

— Понимаю.

— Ну и отлично, — улыбнулся Тацуо.

— О-Сэн бывает трудно следить за разговором. Но зато сердце у нее золотое, — сказала о-Танэ брату.

— О-Сэн милая девушка, — ласково взглянул на нее Санкити.

— Прямо не верится, что стала взрослой. Так жаль ее. Придется купить ей домик, выделить имущество. И она будет жить себе, ни в чем не нуждаясь. Ведь это в конце концов самое главное.

— Зачем же сразу отделять о-Сэн? Надо сперва подыскать ей жениха.

— Ах, дядя! Что это вы говорите! — покраснелась о-Сэн и, смеясь, выбежала из гостиной.

Вошла о-Хару и сказала, что ванна готова. Тацуо пошел первый смыть с себя заботы и усталость нескольких дней.

— О-Сэн, пойдем делать прическу, — позвала о-Танэ дочь и, захватив зеркало и набор гребней, аккуратно уложенных в ящичек, пригласила в соседнюю комнату парикмахершу, дожидавшуюся в столовой.

— Извини, Санкити, — сказала она брату, усаживаясь перед зеркалом. — Может, ты пойдешь посмотреть мой цветник? Сейчас так хороши хризантемы.

Санкити вышел во двор. Между двух больших камней начиналась тропинка и вилась дальше по саду. Санкити стал по ней прохаживаться, время от времени поглядывая